

Подобный вопрос, вероятно, не раз задавал себе всякий калмык в эмиграции и едва ли кто давал самому себе удовлетворительный ответ, ибо очень уж щекотливый и большой вопрос. И, действительно, что делать нам дальше?... Положение главной массы нашего народа на Родине и в экономическом и в политическом отношении таково, что ехать туда к ним, в кабалу коммунистам, и надеяться найти там душевный и физический покой могут только очень легкомысленные люди, а звать туда могут только преступники.

Положение же здесь, в условиях разбросанности по разным государствам (если в одном государстве, то по разным городам в зависимости от нахождения работы), в условиях нудной, физически и морально вредной фабричной работы, в условиях малорезультатного труда, с постоянной угрозой подвергнуться в первую голову последствиям безработицы, — весьма неудовлетворительно.

Такое положение было бы еще терпимо, если смотреть на него как кратковременный этап в ожидании скорого и верного возвращения в нормальную обстановку. Сперва все мы так смотрели на свое положение. Но вот уже прождали мы 10 лет и положение вещей, к нашему несчастью, таково, что может еще не один год придется прождать. (лучше, когда готовиться к худшему). Пробыть в ожидании пять-шесть лет и даже десять лет без особенно дурных результатов для массы можно и в ненормальных условиях. Но если это состояние грозит затянуться неопределенно долго и на наше настоящее положение смотреть уже как на постоянное, то уже оно никуда не годится, оно просто опасно, а потому неумолимо нам надобно серьезно искать выхода.

— „В чем же опасность?“ — могут спросить. В том, что если еще несколько лет прождем в данном положении, то мы, проще говоря, фактически исчезнем для своего народа. Ибо наша эмиграция численно начнет уменьшаться, так как стареющих больше, чем подроставших; недостаток женщин порождает безбрачие; рассеянное среди разных народов положение не дает возможности национально-религиозного воспитания детей, вдовок материальная необеспеченность исключает возможность попечения о стариках, инвалидах и сиротах (я видел в болгарском детском доме несколько калмыцких детей, которые при виде калмыков скрывались, ни слова не знают по своему, растут в христианской вере...). Кроме всего этого, плохие условия жизни порождают болезни и увеличивают смертность. Ведь не случайно же поумирали из нашей Болгарской колонии несколько молодых женщин, которые были здоровыми, цветущими матерями, а иные только начинали жить? И теперь еще есть молодые женщины, захватившие туберкулез... Конечно же все это в результате ненормальных условий жизни.

Когда мы (бузавы) резко переменяли кочевой образ жизни на оседлый, у нас начало наблюдаться численное уменьшение и довольно долгое время большая смертность, особенно смертность детская превышала прирост, пока народ физически и духовно не привык к условиям оседлой жизни. Точно такое же явление может быть и здесь. Пока мы привыкнем и втянемся в условия жизни фабричного рабочего можем действительно исчезнуть, раствориться, ассимилироваться. Я видел взрослых калмыков, которые уже не умеют говорить по своему и как то совсем не ищут калмыцкого общества. Это и есть начало фактического исчезновения. Опасность эта усугубляется еще тем, что наша эмиграция очень небольшая. Всего около 1000 человек.

Вот почему мы не перестаем твердить, что надо искать выхода. А выход, по моему, заключается только в возможности сосредоточиться всем нам в одном месте с условиями сельско-хозяйственного труда. Преимущества такого поселения и такого образа жизни очень многочисленны и весьма наглядны:

1/ при жизни в одном месте, взаимно влияя друг на друга, мы будем гарантированы от вредных влияний чужой среды и чище и крепче сохранимся.

2/ Живя большой национальной массой в однообразной среде мы можем дать нашим детям однообразное национальное воспитание, так как у нас будет своя начальная школа.

3/ Наши старые Бахши и гелыны могут иметь возможность религиозного воспитания массы, а также могут подготовить себе хоть несколько человек смены, т.к. при теперешнем положении нам угрожает опасность в одно время остаться без духовных лиц.

4/ Мы начнем количественно увеличиваться, т.к. наша молодежь, жемаясь на бедных женщинах и приводя их в свою среду, увеличат нашу семью и, самое главное, дети их

будут расти в нашей среде уже калмычками, а не сербитами, французками или чешками, как сейчас наблюдается в случаях смешанных браков.

5/ Сельско-хозяйственная жизнь вернет и укрепит общее здоровье.

6/ И самое важное, мы можем обзавестись хозяйствами, которые в нужный момент, переведя на деньги, можем перенести и на Родину и продолжать там.

7/ Такое поселение и материальное улучшение даст нам возможность заботиться о несчастных: о калеках, о стариках, о детях-сиротах.

Известно ли всем, что в Болгарии есть калмык-нищий!? Известно ли всем, что одна наша женщина, потеряв мужа в Париже, не имея знакомых, ни денег и не зная языка при- нуждена была протягивать руку!? Вот таких явлений при более или менее нормальной жизни мы по обыкновению не допустили бы.

Вот таковы по моему явные преимущества компактного поселения на земле. Человек, согласившийся с моими доводами, естественно спросит: „А где же земли, где возможности?“ А вот поэтому пободу хочу сказать пару слов.

Как известно еще с 1929 г. мы, небольшая группа калмыков (я, Хара-Даван, Цуцукон, Абушинов и др.) интересовались и звали интересоваться наших братьев Перуанским вопросом. Теперь этот вопрос отпадает, так как выяснилась невозможность его использовать по климатическим и иным условиям. Казаки, выехавшие туда, испытывают большие затруднения.

Теперь предстоит возникновение возможности поселения на земле на севере Южной Америки — на земле республики Мексики или же на юге Северной Америки — в степях Техаса, на земле Соединенных Штатов.

В Праге образовался „Кавказский Колонизационный Комитет“, в состав которого входят и два калмыка (Балинов и Балыков). От этого Комитета выехал с широкими полномочиями солидный человек — инженер-экономист — и который сообщает, что дело налаживается.

Места эти, как по природным условиям, по климату (лето, как юге России, а зимы почти не бывает, мороз в два градуса редкость) и по видам произрастающих злаков (почти все виды наших хлебов, трав, виноград, арбуз, кукуруза, хлопок), также и по условиям аренды случай этот исключительно хорош, по крайней мере так выходит по сообщениям людей, там бывших и видевших, и по официальным географическо-статистическим данным.

Мы решили до полного выяснения дела никаких записей не производить и никого особенно не тревожить, а когда все выяснится и можно будет ехать, откроем запись и, конечно, сами поедем.

Мне кажется, что упустить этот случай было бы нельзя. Известно, что наш Председатель Калмыцкой Комиссии В.И. Уланов, тоже положительно относясь к вопросу использования этого случая, ведет переговоры и переписку. Сообщаем, что наши цели, мотивы и место поселения одно и то же. Только мы полагаем, что попытки самостоятельного проведения этого дела усложнит вопрос и оттянет, а может кончиться неудачей. Мы полагаем, что нам нужно просто выехать в составе казачьей группы, как казаки и таким образом воспользоваться готовым аппаратом, который наладил работу и уже имеет все-какие достижения. Если нас наберется достаточное количество, то никто не может нам помешать жить своим хутором или станицей с соблюдением своих национальных обычаев и традиций.

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ.

Из последнего письма инженера В.И. Терещенко (Уполномоченного Кавказского Колонизационного Комитета в Праге).

... „Все идет хорошо; вопрос о делегации волнует меньше всего, т.е. для американцев это ничтожный расход, давно уже решенный в положительном смысле: что значит 1000 долларов, когда вопрос идет о миллионах... Работа сейчас сосредоточивается вокруг финансов. Американцы народ прагматический и, естественно, задают вопрос: а что последует за делегацией? Приедут, посмотрят, найдут, что земля хорошая, почтуют затылки, скажут „Эх, тут бы поселиться“... и уедут. Надо конкретный план, конкретные цифры,